

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Ганин А.В. Георг Зиммель о проявлении и сдерживании эмоций // Философская мысль. 2024. № 1. DOI: "не активен" EDN: LUFZRW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69630

Георг Зиммель о проявлении и сдерживании эмоций

Ганин Александр Владиславович

ORCID: 0000-0001-9446-8357

старший преподаватель кафедры Социологии и культурологии, Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана

105005, Россия, г. Москва, ул. 2-Я бауманская, 5, стр. 1

✉ avg_socio@mail.ru

[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)

DOI:

"не активен"

EDN:

LUFZRW

Дата направления статьи в редакцию:

19-01-2024

Дата публикации:

31-01-2024

Аннотация: Одним из ключевых вопросов социальной философии XX-XXI вв. стало отношение индивидуальных эмоций к общественной жизни. «Классики» отвечали на этот вопрос по-разному. На взгляд автора статьи, наиболее интересным и влиятельным является подход немецкого философа и социолога Георга Зиммеля. Подход двойственный, амбивалентный, творческий. Отталкиваясь от необходимости учитывать индивидуальные эмоции, Зиммель в то же время пытался показать специфику эмоционально самоцензурирующего современного общества с его жесткими ограничениями. В настоящей статье с опорой на общенаучные методы проведен анализ значимых работ Зиммеля. Выявлены стратегии эмоциональной самоцензуры или сдерживания. Во-первых, стратегия городской блазированности или притупленности эмоций. Было показано, каким образом этот способ сдерживания эмоций развивается в условиях когнитивной перегрузки больших городов. С помощью общенаучных методов выявлены такие причины подобного явления общественной жизни как: «самозащита»

нервной системы и социальное отчуждение. Во-вторых, была проанализирована стратегия развития чувства такта. Указано на то, что, согласно Зиммелю, такт служит основой общения и обобществления и налагает запрет на прорыв индивидуальных чувств в сферу коммуникации. В-третьих, в статье описана наиболее значимая для зиммелевского творчества стратегия денежной объективации эмоциональной сферы. Особое внимание при изучении этого вопроса уделено аналитическому и критическому осмыслению философских и социологических идей работы «Философия денег». Автором статьи был осуществлён самостоятельный перевод отрывков из книги, что позволило более детально изучить вопрос связи денег, эмоций и желаний. К элементам научной новизны статьи можно отнести выявление специфики «денежного цинизма» как особого варианта объективации эмоциональной сферы.

Ключевые слова:

Зиммель, социальная философия эмоций, эмоции, базированность, чувство такта, цинизм, деньги, Философия денег, социология эмоций, двойственность

В исследованиях по социологии и философии эмоций в поле авторского зрения чаще попадают М. Вебер, Э. Дюркгейм, Дж. Мид и более современные авторы [\[1, с. 314-320\]](#). Идеи Георга Зиммеля зачастую остаются в тени. Однако понимание эмоций и стратегий их сдерживания сегодня становится все более актуальным и востребованным. В связи с этим обращение к наследию Зиммеля не выглядит лишним.

Попробуем разобраться в его теории проявления и сдерживания эмоций.

Для начала заметим, что для Зиммеля общественная жизнь носит двойственный характер. Это вечная борьба индивида и общества, содержания и формы, а порой и самих форм, когда они «возникают из жизненно важного содержания жизни и позволяют ему выражаться, но при этом приобретают собственную логику» [\[2, с. 22\]](#). Еще один пример двойственности можно найти в зиммелевских «социологических априори». Согласно последним, мы видим окружающих людей социально-типически, то есть обобщенно. Любой человек рассматривается нами как типичный представитель конкретного социального круга. К примеру, типичный офицер, типичный студент, типичный врач. Поэтому при знакомстве мы прежде всего интересуемся профессией и принадлежностью к большим социальным группам. А окружающих людей «мысленно подводим под некую всеобщую категорию» [\[3, с. 239\]](#). В то же время, не стоит сбрасывать со счетов индивидуальный аспект личности. Как бы мы ни пытались рассматривать окружающих социально-типически, в каждом человеке остается нечто, что не объясняется социально. По Зиммелю «некоторыми своими сторонами человек не входит в общество как его элемент» [\[3, с. 241\]](#). О типичном офицере, студенте и враче мы знаем, что они не только выполняют свои социальные роли, но и проживают внесоциальные уникальные (нетипичные) судьбы.

Это «внесоциальное бытие» и есть мир эмоций, аффектов и темперамента. Наиболее интересные Зиммелю эмоциональные состояния - радостная общительность, скромность, стыд, благодарность, гнев [\[4\]](#). Заметим, что это почти совпадает с современным медико-биологическим списком чистых/базовых эмоций, среди которых выделяют: «тоску, тревогу, страх, гнев, недоумение, радость, эйфорию, экстаз» [\[5, с. 21\]](#). Все они доступны, но можно ли их открыто демонстрировать, будучи участником социального

взаимодействия? «С одной стороны, эмоции позволяют человеку входить в общество, выстраивать социальные взаимодействия, набираться опыта; с другой стороны, они позволяют открыть себя, идентифицировать свои собственные чувства в отношениях с другими людьми» [6, с. 60]. В очередной раз Зиммель улавливает двойственный характер жизни: индивидуальные эмоции важны, но общественная жизнь требует самоконтроля, сдерживания эмоций.

Рассмотрим наиболее распространенные способы такого контроля.

Городская блазированность

Первая стратегия сдерживания эмоций связана с современной городской жизнью. Нервной, напряженной и конфликтной. Чтобы жить в городе нам приходится приспосабливаться. В эмоциональной сфере это означает сдерживать свои порывы. Так согласно Зиммелю возникает стратегия блазированности или равнодушного пресыщения. Сущность этого процесса заключается в «притупленном восприятии различий между вещами», когда «человеку все вещи кажутся одинаково серыми и тусклыми» [7, с. 88]. В чем же причина такого блазированного эмоционального состояния?

Во-первых, в постоянной смене впечатлений. На горожанина, в особенности только переселившегося из сельской местности, обрушивается шквал событий и явлений. Какую реакцию вызывает это городское событийное многообразие? Можно попытаться эмоционально откликнуться на каждое из происшествий. Попытаться найти для всех окружающих людей с их проблемами, горестями и специфическим ритмом жизни свой индивидуальный душевный отклик. Однако долго ли мы сможем существовать в таком режиме эмоциональной отзывчивости? Этот режим кажется избыточно затратным для нашей эмоциональной сферы. Более того, в предельно рациональном обществе эпохи модерна он выглядит наивно. Тогда на ум приходит второй вариант реагирования – умеренно-сдержанный, «прохладный». Его Зиммель считает основным для жителей больших городов – это «самозащита» нашей нервной системы. Горожанин прячет чувства и эмоции за фасадом рассудочности. Отгораживается от проблем других людей. Но это происходит не по причине эмоциональной черствости и бездушности. А по расчету здравого смысла. Он подсказывает нам, что пытаться помочь всем вокруг, вкладывать в это свое время и эмоции, а по итогу конфликтовать со всем обществом, живущим иначе – все равно что бороться с ветряными мельницами. Нет смысла. Проще спрятать свои эмоции, чем открыто радоваться, грустить, гневаться, бояться вместе с миллионами других горожан. На всех эмоций не хватит, словно говорит наш здравый смысл. Таким образом, блазированность/пресыщенность становится необходимой стратегией современного человека. Она нужна для защиты от переутомления различными внешними стимулами. Парадоксально, но чтобы сохранить способность испытывать хоть какие-то эмоции согласно зиммелевской теории необходимо «притупление» эмоциональности. Своего рода эмоциосберегающий режим.

Вторая причина блазированности – отчуждение. Когда город подталкивает нас чувствовать атомизацию, изоляцию, «одиночество в толпе» из множества незнакомцев. Горожане живут рядом друг с другом практически на условиях анонимности, отказа от коммуникации и взаимодействия. Это и есть отчуждение, ведущее к блазированности. Как точно подмечает Д. Г. Подвойский: «Воздух города частично освобождает, но ценой эмансипации оказываются рост отчуждения и структурно обусловленное ослабление «социального магнетизма» любви, а глобально (по Зиммелю) – опустошение «сосуда» социального формообразования и выхолащивание его специфически человеческого

содержания» [\[8, с. 53\]](#). Все это приводит к тому, что блазированность становится стратегией сдерживания эмоций, одновременно основанной на отчуждении и способствующей его росту. Более того, современные исследователи приходят к выводу, что в этих условиях происходит формирование особой «отчужденной эмоции дистанции, отдаленности и безразличия» [\[9, с. 55\]](#).

Чувство такта

Вторая стратегия сдерживания эмоций связана с развитием чувства такта и вниманием к нормам, правилам и практикам совместной жизни. По Зиммелю чувство такта является неотъемлемой частью процесса коммуникации и обобществления. Оно позволяет нам устанавливать границы между личным и общественным, сдерживать самоуверенность и самолюбие, выглядеть социально одобряемым субъектом. Доброжелательная улыбка, вежливый комплимент, удачная шутка – все это и социальные действия, поддерживающие приятную и доверительную атмосферу, и способы сдерживать негативные эмоции и аффекты. Можно заметить, что чувство такта становится мощным инструментом по достижению общественной гармонии.

Наиболее интересные идеи Зиммеля в этой области можно найти в эссе «Общение. Пример чистой, или формальной социологии». В этой работе перед нами рисуется картина тактичного выверенного общения, которое дарит удовольствие само по себе, но в то же время служит стратегией сдерживания эмоций. Зиммель пишет: «специфическая функция такта заключается в ограничении индивидуальных порывов, выпячивания собственного Я, внутренней и внешней претенциозности, в ограничении там, где этого требуют права других» [\[10, с. 255\]](#). Иными словами, наши эмоции или психические состояния, какими бы яркими они ни были и как бы ни хотелось ими поделиться, вынужденно должны быть ограничены в угоду комфортному обобществлению. Но почему мы должны следовать этому требованию?

По Зиммелю ответ сурово лаконичен. Потому что мы с первых минут жизни вовлечены в социальное взаимодействие. Мы попросту не можем оказаться в абсолютном одиночестве. А значит, аксиоматически приходится признать главенство норм и социальных ожиданий. Зиммель пишет, что привнося в общение элементы своей психической жизни, мы поступаем неуместно «бестактно (поскольку это противоречит правилу взаимодействия) привносить в общение глубоко личностное – сугубо личные проблемы и разочарования, приподнятость и подавленность, свет и мрак глубин жизни» [\[10, с. 255\]](#).

Мы уже видели, что блазированность основана на отчуждении, но и порождает его. В данном случае то же самое применимо и к чувству тактичности. Оно является и целью и условием обобществления. Сдержанного, цивилизованного, конфликтующего с «жизнью» за счет «гипертрофии объективных культурных форм» [\[11, с. 113\]](#).

Деньги

Наконец третья стратегия усмирения эмоций связана с деньгами. Согласно Зиммелю деньги участвуют почти во всех социальных взаимодействиях и играют крайне важную роль в процессах обмена. Вне взаимодействия деньги утрачивают свое значение, так как обмен становится невозможен. Зиммель полагает, что деньги даже могут стать бесполезными, если ими обладает только один человек. Впрочем, мы не видим такого в реальности, наоборот, деньги распространяются повсеместно. А с «ростом денежного изобилия возрастает оживленность и интенсивность торговли» [\[12, с. 161\]](#). В своей

главной работе на эту тему – «Философии денег» Зиммель пытается выйти за рамки только экономического анализа места денег на рынке. Он связывает деньги с культурой, обществом и эмоциями. Целью является попытка понять более глубокие «психологические и даже метафизические предпосылки» существования денег [\[12, с 54\]](#).

Какова при этом роль эмоций?

Во-первых, деньги и эмоции связаны по Зиммелю через чувство желания. Деньги привлекают, вызывают желание обладать ими. Они становятся символом статуса, власти и возможностей, что непосредственно связано с человеческими эмоциями. Желание денег порождает чувство страсти, радости, но иногда зависти, гнева и обиды, особенно в контексте несправедливо возникшего неравенства. Зиммель в своем анализе желаний идет еще дальше, говоря, что «значимость объекта для индивида всегда определяется желанием обладать им» [\[12, с. 98\]](#).

Возникает вопрос, а ограничены ли наши индивидуальные желания «изнутри»? Есть ли у человека внутренний механизм удержания или усмирения своих желаний? По Зиммелю – нет, «человеческие желания не знают границ» [\[12, с. 213\]](#). Стоит уточнить, что наши желания не знают внутренних границ. Но зачастую натываются на границы внешние. Объективная реальность оказывает сопротивление. Так возникает сложная конфигурация индивидуальной и социальной сфер жизни: мы безграничны в своих желаниях, но ограничены в общественной жизни, требующей уплаты за значимые/ценные вещи и услуги.

Из этого следует второй аспект связи денег и эмоций – объективация. Как полагает Зиммель, сегодня мы живем при господстве денежно-рассудочно-калькулятивного подхода. И если о качестве нашей жизни, а тем более о качестве социальных отношений, мы можем спорить бесконечно, то в вопросе денег царит строгая неумолимость цифр. Тут не может быть особых споров и «двусмысленности», характерной для вопросов чувств. Деньги обладают объективным количественным характером. Их можно и нужно считать. Эта же неумолимость цифр, согласно Зиммелю, потихоньку распространяется и на все социальные отношения. Более того, господствующие сегодня рассудочные отношения «превращают людей в числа» [\[7, с.80\]](#). Так возникает особая техника или стратегия, заставляющая нас притуплять свои эмоции в угоду объективной калькуляции, параллельно с которой мы можем приобрести налет цинизма. Как пишет Зиммель: «Чем больше деньги становятся единственным центром интереса, тем больше человек обнаруживает, что честь и убеждения, талант и добродетель, красота и спасение души обмениваются на деньги, и поэтому тем более насмешливое и легкомысленное отношение будет развиваться по отношению к этим высшим ценностям» [\[12, с. 257\]](#). Здесь мы видим сходство с упоминавшейся ранее базированностью. Но в отличие от последней тут нет равнодушия к деньгам.

В качестве дополнительного подтверждения вспомним ряд расхожих афоризмов на тему денег: «деньги – не пахнут», «время-деньги», «если такой умный, то почему такой бедный?» «ничего личного, только бизнес» и многие другие. Чем они примечательны и общи? Конечно, тем, что подчеркнуто циничны и направлены на обезличивание процесса денежного обогащения, а заодно и на постепенное обезличивание, объективацию индивида. Последнее чаще всего проявляется в виде сдерживания эмоций. «Смирение страстей и представление объективного как такового в его существовании и значении суть лишь две стороны одного и того же основного процесса» [\[13, с. 179\]](#). Можно сказать, что в этом заключается процесс легитимации социального

порядка.

Деньги имеют объективный характер, что способствует объективации и обезличиванию социальных отношений. В этой связи эмоциям, чувствам и аффектам почти не остается места. Усмирение эмоций становится стратегией, основанной на калькуляции, и носит общеобязательный характер.

Выше шла речь исключительно о стратегиях сдерживания эмоций. Однако анализ зиммелевской теории не полон, если не обратиться к изучению самих аффектов и их проявлению. Какие эмоции Зиммель считает наиболее значимыми? С чем это связано? Наконец, необходимо выяснить, какое место занимает теория эмоций Георга Зиммеля в поле социально-философских дискуссий тех лет.

В оценках эмоций и их роли в общественной жизни Зиммель был не одинок. Весьма показательна в этом вопросе точка зрения другого классика немецкой социологии – Макса Вебера. Оба мыслителя в качестве ключевого аспекта современного общества видят рационализацию, противопоставленную иррационально реактивным, захватывающим нас эмоциям. При этом Вебер выделяет такие эмоции или аффекты, как «страх, гнев, честолюбие, зависть, ревность, любовь, воодушевление, гордость, жажда мести, благоговение, преданность и самоотдача, влечение любого рода» [\[14, с. 69\]](#). Их иррациональность становится особенно заметна при сравнении с противоположным, то есть рациональным способом реагирования и действия. Эмоция при таком подходе рассматривается как «отклонение от нормы», и, следовательно, является нарушением «правильного» взаимодействия индивидов. К иррациональным явлениям Вебер относит не только эмоциональные, но и «мистические, пророческие, пневматические» [\[14, с. 80\]](#). А слова «аффект» и «заблуждение» часто пишет через запятую, что само по себе показательно.

Ещё один аспект теории эмоций Макса Вебера – связь с понятием общности. Так, «Общность может зиждиться на любого рода аффективном, эмоциональном или традиционном основании, будь то духовное братство, любовная связь, отношение пиетета, единая нация или спаянное товариществом войско» [\[14, с. 99\]](#). Из приведенной цитаты становится ясно, что Вебер противопоставляет «теплую» эмоциональность общности – «холодной» рациональности общества. Нетрудно заметить, что в этом он близок и к Зиммелю, полагавшему, что переезд в крупный город связан с блокировкой эмоций, и к Фердинанду Тённису – другому немецкому социальному философу, много страниц посвятившему соотношению домодерновой общности и современного общества. В конечном счете, согласно Веберу, общество вытеснит общность за счёт двуаспектной рационализации. Он пишет: «Рационализация также может развиваться как позитивно, в смысле сознательной рационализации с учетом принятых ценностей, так и негативно, за счет отказа не только от обычая, но и от аффективного и даже от ценностно-рационального действия в пользу не связанного ценностями, чисто целерационального поведения» [\[14, с. 89\]](#). Получается, что перед современным индивидом стоит тяжелый выбор: в лучшем случае самостоятельно принять модерн и рационализацию, в худшем – быть вынужденным отбросить эмоции-аффекты, традиции и даже ценности, противоречащие рациональности.

Зиммель хоть и согласен с растущей рационализацией жизни как наступлением на сферу эмоций и аффектов, но полагает, что в этом вопросе нет выбора «или-или». Для него рационализация модерна не вытесняет эмоции, а заставляет сдерживаться и предпринимать действия по саморегуляции. Более того, в своей работе «Философия

денег» Зиммель дает понять, что эмоции не только не исчезают, уступив место рациональности, но и начинают играть более значимую роль. Ведь если модерн требует «рационализации» социальной сферы для усиления экономической жизни и объективации процессов обмена, а эти процессы, как было показано, требуют «желаний», то эмоции становятся чуть ли не главным топливом экономической деятельности.

Ещё одно отличие зиммелевской теории эмоций от взглядов Вебера – отказ от идеи эмоционального принуждения. В то время как Вебер полагает существующим «принуждение к труду через страх потери средств к существованию», то есть через воздействие на сферу эмоций, Зиммель считает подобное принуждение иллюзией. И в духе современных противников манипуляции пишет: «...меня могут заставить поставить подпись только в том случае, если кто-то более сильный возьмет мою руку и напишет ею» [12, с. 400]. То есть внешнее воздействие может быть в первую очередь физическим, превращающим индивида в марионетку, но не эмоциональным. Вызвать страх, гнев, зависть и другие эмоции извне нельзя. Впрочем, тут же наш герой оставляет лазейку для чуть более метафизической позиции, добавляя «или если я сделаю это с помощью гипнотического внушения» [12, с. 400]. Самому Зиммелю кажется это дополнение вполне естественным, однако не так легко представить себе «гипнотическое внушение», которое не является вариантом эмоционального принуждения.

На тему эмоций примечательны рассуждения уже упоминавшегося Фердинанда Тенниса. Хотя Теннис не разработал четкой теории эмоций, его идеи обеспечивают основу для понимания эмоциональной динамики в различных социальных структурах. В своей наиболее значимой книге «Общность и общество», вышедшей в 1887 году и по всей видимости оказавшей влияние на Зиммеля, Теннис проводит различие между общностью (иногда немецкое слово *gemeinschaft* переводят как «община»), характеризующейся сплоченными социальными отношениями, основанными на общих ценностях и эмоциональных связях, и обществом (немецкое *gesellschaft*), представляющим более безличные, договорные отношения, характерные для современных городских обществ. С точки зрения теории эмоций общность связана с теплыми, личными эмоциями и отношениями, глубоко укоренёнными в традиции. И, наоборот, в обществе, где социальные отношения определяются индивидуальными интересами и контрактными соглашениями, эмоции отходят на второй план, уступая место рациональным и инструментальным соображениям выгоды, расчёта и контракта. Теннис заметил, что переход от традиционных сельских общностей к современным городским обществам может привести к ослаблению эмоциональных связей, поскольку социальные структуры становятся безличными. В этом можно видеть влияние Тенниса на зиммелевскую трактовку городского эмоционального отчуждения, о чем говорилось ранее.

Ещё одной темой, интересовавшей Тенниса и Зиммеля, был страх. Для Тенниса страх двойственен, так как довольно легко сменяется надеждой и обещанием будущего удовольствия. Он пишет: «...каждое такое чувство усиливается и стимулируется примером и поучением, пробуждением страха и надежды, воспитанием почтения и доверия» [15, с. 234]. А теперь сравним это с мнением Зиммеля о том, что таким же двойственным воздействием обладают деньги, «благодаря надежде и страху, желанию и тревоге, которые с ними связаны» [12, с. 170]. Из приведенной цитаты становится ясно, почему ряд исследователей считает социальную философию Зиммеля «пульсирующей» [16]. Это двойственный пульс страдания и наслаждения, при котором надежда на лучшую жизнь и удовлетворение материального благополучия сочетаются со страхом всё

потерять.

Наконец третья точка пересечения между Тённисом и Зиммелем в вопросах эмоций – понимание социальной природы стыда. «Как неприязнь или отвращение, стыд родственен страху, как недовольство или негодование – вспыльчивости, и в нем всегда смешиваются эти два аффекта, независимо от того, в какой очередности они проявляются. Но прежде всего, стыд есть вуалирование, сокрытие, утаивание; отвращение к обнаженному, откровенному, известному» [\[15, с. 235\]](#). Зиммель посвящает стыду сразу несколько работ. Так, в статье «К психологии стыда» он рассматривает и подвергает сомнению исследование стыда, проведенное одним из современников – врачом и сексологом Хэвлоком Эллисом (1859-1939). Зиммель вступает в дискуссию и пишет, что стыд связан не только со сферой интимности, но с особым пристальным, акцентированным на нас вниманием другого человека. Более того, Зиммель считает, что посредством стыда внутри нас возникает «представительство социальной группы» [\[17\]](#). Иными словами, мы как бы делимся на две части – реальную и идеальную, а стыд возникает из-за расхождения между этими частями. Следовательно, стыд возникает не по природным/биологическим причинам, а по социальным, когда возникает несоответствие той обобществлённой части нашей личности, которая должна была бы «выглядеть иначе». Однако тут же Зиммель замечает, что в ситуации путешествия чувство стыда может отсутствовать из-за того, что не возникает полноценного социального взаимодействия. Условно говоря, со случайным попутчиком мы не чувствуем себя так скованно и стыдливо, как в ситуации полноценного и продолжительного общения. Зиммель исходит из представления об отчужденности. Неслучайно в «Экскурсе о чужаке» он пишет о том, что чужак, в силу того что не принадлежит к группе, может быть носителем особой объективности, которая «отнюдь не означает лишь дистанцию и непричастность, но является особым образованием, составленным из удаленности и близости, безразличия и ангажированности» [\[18, с. 230\]](#).

Заметная роль отводится эмоции стыда и в статье «Мода». Здесь стыд рассматривается в качестве одного из источников модных трансформаций. С одной стороны, люди стремятся к разнообразию и переменам, с другой – чувство стыда действует как сдерживающий фактор при отклонении от установленных норм поведения и внешнего вида. Зиммель предполагает, что мода служит решением этой дилеммы. Однако это решение, как и всегда у Зиммеля, носит творческий и неоднозначный характер. Дело в том, мода способна снизить внутреннее чувство стыда. Из чего исходит Зиммель? Он полагает, что «некоторые моды требуют бесстыдства, от которого индивид возмущенно отказался бы, если бы ему подобное предложили, но в качестве закона моды беспрекословно принимает такое требование. Чувство стыда в моде, поскольку она массовое действие, так же полностью отсутствует, как чувство ответственности у участников массового преступления» [\[19, с. 284\]](#). Здравый смысл подсказывает нам, что у моды и массового преступления не так уж и много сходств, однако Зиммель считает иначе. Для него важно, что мода становится коллективным действием, а оно в свою очередь помогает справиться с неприятными внутренними эмоциями. Что называется, «на миру», деятельность, выполняемая в групповой или пассивной форме, может снизить порог смущения и стыда. Получается, что социальные группы могут способствовать развитию стыда через процесс интериоризации (как и было показано ранее), но также могут способствовать устранению механизмов стыда.

Нетрудно заметить, что изложенные выше взгляды Георга Зиммеля на природу эмоций содержат в себе ряд противоречий и трудностей. Кратко рассмотрим их.

Главное затруднение при анализе зиммелевской теории эмоций связано с тем, как он понимает разделение на «первичные эмоции», или досоциальные состояния, например, любовь-страсть, враждебность, религиозность, и «вторичные эмоции», например, ревность, стыд. Первичные эмоции должны считаться универсальными, физиологическими, имеющими эволюционное значение, биологически и неврологически врожденными, в то время как вторичные эмоции, скорее, являются результатом сочетания первичных эмоций и общественной жизни. Первичные эмоции подводят нас к взаимодействию с другими людьми. Затем это взаимодействие продолжается, но уже при поддержке "вторичных эмоций", которые имеют социальную природу, так как возникают в процессе обмена, присущего группам и сообществам. Однако в текстах Зиммеля не так легко понять, где проходит граница между биологическим и социальным.

Так, например, Зиммель полагает, что у человека есть особая эмоция благодарности. Но это явление исследуется им одновременно и как индивидуальная эмоция, и как часть процесса обобществления. Получается, что среди первичных и вторичных эмоций благодарность занимает условно промежуточное положение. Это следует из такого отрывка: «...благодарность является чисто личным аффектом. Это плодородная эмоциональная почва...если бы все чувства благодарности, оставшиеся в душах после предыдущих действий, были бы уничтожены одним махом, общество, по крайней мере, в том виде, в каком мы его знаем, развалилось бы» [\[20\]](#). Зиммель подчеркивает двойственность чувства благодарности: будучи индивидуальным проявлением, она служит основой для межличностных отношений, для взаимодействия и сотрудничества. Благодарность в таком случае – это способ признания и оценки чужих усилий и доброжелательности. При этом для Зиммеля важно, что благодарность нельзя рассматривать чисто инструментально, как способ взаимовыгодного обмена. В первую очередь благодарность – это чистая форма, «мост» (типичная метафора социальных отношений в трудах Зиммеля), по которому движутся социальные процессы. И лишь затем благодарность отсылает к рыночным механизмам, приобретая конкретное денежное, товарное содержание. Однако неясным остаётся главное – считает ли Зиммель благодарность результатом функционирования общественной жизни, или же, наоборот, общественная жизнь становится результатом проявления чувства благодарности. И в итоге является ли чувство благодарности первичным или вторичным?

Ещё одна трудность состоит в противоречивой оценке самим Зиммелем двойственности положительных и отрицательных эмоций. Так, например, упоминавшаяся чуждость выступает одновременно и как негативная характеристика капиталистического общества (что безусловно сближает зиммелевскую оценку капитализма с идеями раннего Маркса), и как позитивная объективность, недоступная давно существующим и дружным социальным группам. Упоминавшийся стыд Зиммель рассматривает и как позитивную эмоцию, и как средство закрепощения. Диалектические противоречия во взглядах Зиммеля, как верно когда-то заметил Ионин, не имеют разрешения, а «приобретают характер угрожающего постоянства» [\[21, с. 82\]](#).

Заключение

Хотя эмоции являются неотъемлемой частью индивида, они выступают и как отражение общественной жизни. Однако до начала 1980-х годов идеи ранних социологов о социальном и философском значении аффектов, впечатлений и эмоций не оказывали влияния на социальную теорию. В последние десятилетия ситуация стала меняться, а эмоции были вновь открыты в качестве предметной области социальных наук. В связи с этим актуальным выглядит обращение к зиммелевской теории эмоций.

В данной статье были рассмотрены три стратегии самоцензуры или сдерживания эмоций.

Во-первых, стратегия городской блазированности. Этот способ притупления эмоций развивается в условиях когнитивной перегрузки больших городов. Множественность событий заставляет горожанина испытывать эмоциональные перегрузки, которые в свою очередь приводят к эмоциональному равнодушию, пресыщенности. Это Зиммель и называет блазированностью. Наиболее ярко данная стратегия описана в работе «Большие города и духовная жизнь», но дополнительными источниками для исследования служили отрывки из «Философии денег».

Во-вторых, стратегия развития чувства такта. В основном данная стратегия изложена в работе Зиммеля «Общение. Пример чистой, или формальной социологии».

В-третьих, особое внимание уделено стратегии денежной объективации эмоциональной сферы. Этот вопрос затронут Зиммелем в работах разных лет, но особенно в «Философии денег». Было показано, что эмоции мы вынужденно подчиняем требованиям общества, которое через деньги приучает нас сдерживаться. Во-вторых, продемонстрировано, что само современное общество, являясь примером денежной объективной калькуляции, не оставляет места неусмирённым эмоциям. Таким образом, если вся общественная жизнь основывается на рассудке, подсчетах и легком цинизме, то усмирение эмоций и чувств становится вынужденным поведением.

Дополнительно стоит отметить, что теория эмоций Георга Зиммеля была рассмотрена в сравнении со взглядами его современников – Макса Вебера и Фердинанда Тённиса. Было показано, что для Вебера и Зиммеля ключевым аспектом современного общества выступает рационализация, противостоящая эмоциям и аффектам. Однако если Вебер, выделяя ряд эмоций и аффектов, считает их полностью иррациональными и противостоящими модерну, то Зиммель придерживается менее строгой точки зрения. И полагает, что нет необходимости «выбирать» между рациональностью и эмоциями, а оба аспекта общественной жизни могут сосуществовать.

В сравнении с Теннисом было показано, как Зиммель трактует эмоцию страха.

Также в статье рассматривается зиммелевское понимание социальной природы стыда. Были изучены такие работы, как «К психологии стыда» и «Мода». На их основе сделаны выводы о том, что стыд представляет собой результат расхождения между реальной и идеальной частями личности. А также отмечены случаи, когда обостренность стыда, наоборот, снижается.

Наконец, в статье отмечена сложность в интерпретации зиммелевской теории первичных и вторичных эмоций. Данный факт становится особенно заметен при анализе чувства благодарности, играющего важную роль в социальной философии Зиммеля.

Ряд стратегий эмоционального контроля остался за пределами настоящего исследования (не был отражен мир эмоций, связанных с вопросами жизни и смерти, экзистенциального выбора). Однако даже этот небольшой «экскурс» позволяет оценить масштаб социальной философии эмоций Георга Зиммеля.

Библиография

1. Stets J. E. (2006). Emotions and Sentiments. Handbooks of Sociology and Social Research, 309–335
2. Shilling, C. (2002). The Two Traditions in the Sociology of Emotions. The Sociological Review, 50(2_suppl), 10–32.

3. Зиммель Г. Как возможно общество?//Георг Зиммель. Избранное. Проблемы социологии Т. 2. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.
4. Gerhards, J. (1986). Georg Simmel's contribution to a theory of emotions. *Social Science Information*, 25(4), 901–924.
5. Ковалев Ю.В. Эмоции в норме и патологии: иллюстрированное учебное пособие. М.: Проспект, 2023.
6. Cerulo, M. (2021). Simmel, the Emotions and the Tragic Nature of the Love Bond. *Simmel Studies*, 25(2), 55–83
7. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М.: Strelka Press, 2018.
8. Подвойский Д.Г. «Осторожно модерн!», или театр теней современности и его персонажи: инструментальная рациональность – деньги – техника (часть 2)// Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. №1.
9. Barbalet J. (1998) *Emotion, Social Theory and Social Structure. A Macrosociological Approach*. Cambridge: CambridgeUniversity Press.
10. Зиммель Г. Общение. Пример чистой, или формальной социологии//Георг Зиммель. Избранное. Проблемы социологии Т. 2. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.
11. Занфи К. Бергсон и немецкая философия. 1907-1932. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020.
12. Simmel G. (2004). *Philosophy of money*. London: Routledge.
13. Зиммель Г. Философия денег//Георг Зиммель. Избранное. Проблемы социологии Т. 2. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.
14. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / Макс Вебер; [пер. с нем.]; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. ис[1]след. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Т. 1.
15. Тённис Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2002.
16. Saido-Ramos, O. (2019). The Sociological Analysis of Shame in Georg Simmel. A Proposal to Study the Performative and Relational Character of Emotions. *Digithum*, №. 23.
17. Simmel G. Soto (translator), Andrés. (2018) On a Psychology of Shame. *Digithum*, 2018, Num. 21, pp. 67-74
18. Зиммель Г. Эскурс о чужаке//Георг Зиммель. Избранное. Проблемы социологии Т. 2. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.
19. Зиммель Г. Мода//Георг Зиммель. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни — М.: Юрист, 1996.
20. Simmel, Georg (1997 [1907]): *Dankbarkeit. Ein soziologischer Versuch*, in: Georg Simmel: Aufsätze und Abhandlungen. 1901 – 1908, Bd. 2, Frankfurt am Main: Suhrkamp, S. 308–316
21. Ионин Л.Г. Георг Зиммель – социолог (критический очерк)/Отв. Ред. Ю.Н. Давыдов. М.: Наука, 1981

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой компактное, но весьма интересное исследование о соотношении эмоций человека и социальных ролей, которым он вынужден следовать. Автор справедливо указывает на то, что в современной жизни растёт напряжение между эмоциональной жизнью индивида и требованиями, которое общество предъявляет к нему в связи с вхождением в определённые социальные группы, в связи с чем, делает он обоснованный вывод, и возникает потребность в обращении к изучению традиции осмысления эмоциональной жизни человека в истории культуры. Несомненно, что Г. Зиммель оказывается значимой фигурой в становлении этой традиции, и вполне можно согласиться с тем, что его концепция соотношения эмоциональной жизни индивида и общественного контроля над ней заслуживает внимания современного читателя. К сожалению, автор выбирает лишь один из аспектов социально-психологического учения Зиммеля, а именно, сосредотачивает внимание только на отношении мыслителя к проявлению и сдерживанию эмоций. Он описывает механизмы контроля, связанные с влиянием городской жизни на притупление эмоций (феномен «блазированнойности»), развитием чувства такта, которого требует включение в определённые сообщества, и универсальной ролью денег в буржуазном обществе, которые «отодвигают» собственно индивидуальность на второй план, выступая в качестве «признанного» обществом портрета их обладателя (жаль, что автор не вспоминает в этой связи соответствующие размышления К. Маркса). Следует сказать, что автор проявляет несомненные компетентность и эрудированность в рассмотрении указанных вопросов, что делает статью привлекательной для читателя. Однако, как уже указывалось, представленная статья является, на взгляд рецензента, «излишне камерной». Собственно, и сам автор в заключительных строках указывает на направления дальнейшего исследования избранной им темы, что позволит дополнить статью новыми интересными материалами и создать целостное представление о философско-социологическом учении Г. Зиммеля об эмоциональной жизни индивида в буржуазном обществе. Для этого имеются все возможности. Так, объём (менее 0,4 а.л.) материала может быть увеличен как минимум вдвое, список литературы также может быть пополнен новыми источниками. Представляется целесообразным высказать и несколько других пожеланий. В статье совершенно не просматривается историко-культурный и историко-философский контекст проблемы. Зиммель не мог не учитывать дискуссии, которые велись на эту тему в обществе (Маркс уже упоминался), какое влияние они на него оказывали, как он отвечал оппонентам? Кроме того, изложение носит почти исключительно описательный, «некритический», характер, автор не пытается «взвесить» и оценить конкретные суждения Зиммеля, что снижает значимость представленного материала. Однако высказанные критические замечания не перечёркивают основное содержание статьи, в которой автор демонстрирует понимание темы и способность ясно излагать непростое философско-социологическое и психологическое содержание проблемы. Заметим ещё, что в процессе знакомства со статьёй практически не возникает замечаний в связи с синтаксисом и пунктуацией текста, что в последние годы стало, к сожалению, редкостью и для научных публикаций. Подводя итог сказанному, следует констатировать, что статья имеет хорошие перспективы для публикации, однако, её нужно доработать до целостного рассмотрения учения Г. Зиммеля об эмоциональной жизни индивида в буржуазном обществе. Рекомендую отправить статью на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Георг Зиммель о проявлении и сдерживании эмоций» выступает теория немецкого философа, трактующая связь эмоциональной сферы человека с его социальными взаимодействиями. Автор считает взгляды Зиммеля согласующимися с современной медико-биологической классификацией чистых/базовых эмоций, среди которых выделяют: «тоску, тревогу, страх, гнев, недоумение, радость, эйфорию, экстаз». Автор полагает, что рассмотрение зиммелевской трактовки проявления и способов контроля эмоций может способствовать социально-философским исследованиям положения человека в обществе и механизмов функционирования самого общества.

Актуальность своей работы автор видит в том, что до начала 80-х годов 20 века идеи ранних социологов о значении эмоций для общественной жизни, были забыты социальными философами. И хотя, в последние десятилетия ситуация стала меняться, внимание исследователей сосредотачивается на идеях М. Вебера, Э. Дюркгейма, Дж. Мид, тогда как концепция Георга Зиммеля остается неоправданно забытой. Поэтому обращение к наследию Зиммеля призвано восстановить это исследовательское упущение.

Методология исследования, применяемая автором статьи, базируется на герменевтической анализе таких произведений Зиммеля, как «К психологии стыда», «Мода», «Общение. Пример чистой, или формальной социологии», «Большие города и духовная жизнь», «Философия денег». Автор проводит их сравнительный анализ, включающий сопоставление с современными исследованиями в области психиатрии, и взглядами Макса Вебера и Фердинанда Тённиса.

Научная новизна заключается в систематическом изложении взглядов Зиммеля на природу эмоций, механизмы их сдерживания, сравнение трактовки социального значения эмоций Зиммелем и другими социальными философами.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований. Текст написан хорошим, понятным языком, ключевые тезисы четко сформулированы и обоснованы, автор использует прямое цитирование, что делает статью более интересной для чтения.

Структура и содержание полностью соответствуют заявленной проблеме. В начале работы автор оговаривает специфику трактовки Зиммелем человека, заключающуюся в том, что он рассматривается как типичный представитель конкретного социального круга, например офицер, студент, врач, и одновременно, носитель уникальных внесоциальных качеств. Затем автор переходит к рассмотрению способов сдерживания эмоций по Зиммелю, отождествляющему социальную жизнь и городскую жизнь. Среди них выделяются блазированность (пресыщенность в условиях скученности людей и «экономия эмоций»), чувство такта (запрещающее нам демонстрировать в обществе глубоко личностные переживания) и деньги (которые заставляют нас притуплять свои эмоции в угоду объективной калькуляции – просчитыванию выгоды).

Далее автор обращается к рассмотрению места, которое теория эмоций Георга Зиммеля занимает в поле социально-философских дискуссий тех лет. Он находит точки пересечения в идеях Зиммеля, Вебера и Тенниса, а так же указывает на их отличия. В заключении статьи указываются некоторые противоречия в развитии идеи социального функционирования эмоций Зиммеля.

Библиография статьи включает 21 наименование работ как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященных рассматриваемой проблеме.

Апелляция к авторам, занимающимся подобными исследованиями, незначительна.

Статья будет интересна широкому кругу читателей, от неспециалистов, интересующихся социальной философией и философией Зиммеля, до социальных философов,

исследующих влияние эмоций на жизнь общества.